

Бычков Сергей Викторович

Евангелие от Сергея или смертельная ошибка Иисуса Христа

16+

Сергей Бычков

**Евангелие от Сергея
или смертельная
ошибка Иисуса Христа**

«ЛитРес: Самиздат»

2004

Бычков С. В.

Евангелие от Сергея или смертельная ошибка Иисуса Христа /
С. В. Бычков — «ЛитРес: Самиздат», 2004

Наш папа римский Бенедикт выпустил книгу Детство Иисуса, 2012год, где утверждает, что Иисус родился раньше, чем утверждает библия!!! Я это на восемь лет раньше в своём романе написал. Что будет дальше? Так он весь мой роман сплагатит. И вот ещё что, никто Бенедикта за его книгу не ругает. Это я к тому, что читая роман соблюдайте пожалуйста заповель Иисуса Христа: Не судите, да не судимы будете... О чём роман? Любовь, любовь и любовь жены Пилата к Иисусу, дружба Пилата и Иисуса и предательство Иисуса Пилатом. Но Иисуса не распяли на кресте, жена Пилата спасла его... Любовь, она и в Израиле любовь!

Как уже многие начали повествование о
совершенно известных между нами событиях,
как передали нам то бывшие с самого начала
очевидцами и служителями Слова,-
То рассудилось и мне, по тщательному
исследовании всего сначала, по порядку
описать тебе, достопочтенный отец Николай,(1)
чтобы ты узнал твёрдое основание того учения
в котором был поставлен.

Часть первая. Рождение Иисуса
Глава 1. Елисавета

– И на старуху бывает проруха, – подумала Елисавета,(2) – и угораздило же меня забеременеть под старость лет. За всю жизнь чего только не перепробовала, чтобы родить: травы, припарки, заговоры – ничего не помогало. Видимо, бог так

закрыл её чрево, такую печать наложил, что они с Захарием(3) давно потеряли надежду. Да и время не ждёт, был Захарий, да весь вышел и кроме старческого храпа под ухо ждать уже нечего. Так вот и жили последнее время, как вдруг на закате жизни, когда, казалось, ничего уже не может случиться, случилось, а именно: она влюбилась!

Хотя за её долгую жизнь это не было для неё в новинку. Она, как ей казалось, влюблялась в других мужчин и не раз, но всё это заканчивалось ничем. Ну, понравится мужчина, повздыхает она неделю-другую и всё уходит куда-то, как тот туман по утрам, который тает прямо на глазах. А что до Захарки, так это всё другое. Они про любовь и не говорили никогда. Да и какая тут может быть любовь, когда она видела его только один раз перед обручением, да и то мельком. Как муж он – золото и ей никогда не приходилось сводить концы с концами, как делают их соседи. Может он и любит её, если можно назвать любовью чувства к жене, с которой прожил не один десяток лет...

Так вот и жили они, пока не появился Иоанн. ...И зачем он только приехал в их город?!

1. Отец Николай – миру Николай Николаевич Густов, священнослужитель в городе Новосибирске, ближайший друг автора.

2. Елисавета-библейская личность, мать Иоанна Крестителя.

3. Захарий-библейская личность, отец Иоанна Крестителя.

Елисавета и внимания не обратила на своего нового соседа: слишком молод, лет тридцать. А ей за сорок. Только отметила про себя, что мужик он видный и не одна женщина, наверное, по нему слёзы лила. Подумала, да и забыла до той поры, когда однажды Захарий ушёл на свою череду(1).

Она возилась со своими домашними делами, когда её новый сосед постучал в дверь.

-Заходите,- прокричала Елисавета из комнаты и сосед, чуть не упираясь головой в потолок, вошёл в дверь.

-Привет, соседка! Всё хорошеешь? – поздоровался он.

-Здравствуй, Иоанн, – смущённая его явной лестью ответила Елисавета. Много ли надо сказать женщине, чтобы порадовать её?

-А где Захарий? – спросил Иоанн, – я хотел спросить у него кое-что.

-На службе. Будет через неделю, – ответила она. – Воды дать?

-Дай, если не жалко.

Елисавета почерпнула кружкой воду и подала её Иоанну. Он правой рукой принял кружку, а левой провёл по её бедру. От неожиданности она отпрянула, а Иоанн, рассмеявшись, сказал, – стройная ты, Елисавета, словно тебе семнадцать лет. От такой женщины с ума можно сойти.

Он ушёл, а она весь день вспоминала его приход, и ей казалось, что она до сих пор чувствует жар его руки. А ночью ей снились не совсем хорошие сны. Для молодой женщины эти сны были бы в самый раз, а в её возрасте как бы грех, хотя кто установил возрастной предел и разве женщине после сорока не могут сниться красивые мужчины?

С утра она была под впечатлением своих снов и даже, неожиданно для себя, придумывала им продолжение и только к вечеру поуспокоилась и стала забывать об этом. Как всегда вечером Елисавета пошла по воду. Набрав воды, она возвращалась, когда повстречала Иоанна, который шёл домой.

-Привет соседка, – улыбнулся он, – ты мне сегодня всю ночь снилась.

Елисавета вздрогнула, и чуть было не ляпнула, – ты мне тоже снился, – но опомнилась и только спросила, – хорошо ли снилась?

-Хорошо! Так хорошо, что вспомнить приятно, – рассмеялся Иоанн.

Елисавета почувствовала, как её лицо охватило пожаром, а Иоанн, больше ничего не сказав, пошёл домой.

Всю следующую ночь она не спала. Елисавета пыталась представить, что снилось Иоанну, вспоминала свои сны и только под самое утро, когда уже пора было вставать, забылась тяжёлым сном. Но и день не принёс ей облегчения: лицо и

1. Чреда, или очередь в исполнении служебных обязанностей священников со времён царя Давида. Одна неделя назначалась для каждой чреды.

улыбка Иоанна всплывало и всплывало в её голове, а греховные фантазии становились всё богаче и откровеннее.

Вечером Елисавета несколько раз ходила за водой, надеясь встретить Иоанна, но напрасно. – Наносу побольше: завтра стирку устрою, – обманывала она себя, но Иоанн, видимо, не спешил сегодня домой. Елисавета, уже отчаявшись, пошла по воду в последний раз, когда увидела его, медленно идущего вдоль улицы.

Елисавета внутренне напряглась, но виду не подавала, а он, словно поняв, что творится у неё на душе, вдруг сказал, – сегодня, как стемнеет, я приду к тебе.

Не став ждать ответа, словно он был ему известен заранее, Иоанн зашагал к своему дому.

-Что же это со мной, – укоряла себя Елисавета, – почему я не поставила этого нахала на место? Я же замужняя женщина, грех- то какой.

-Нет, не пушу, – решила она, но, придя домой, стала прибирать комнату.

-Нет, ни за что, – а сама вымыла своё тело.

-Пусть только заявиться: крик подыму, а сама красиво уложила волосы.

-Ну, слава богу, не пришёл, – сгорая от нетерпения увидеть Иоанна, подумала она, когда на двор опустилась ночь и все соседи затихли.

Но именно в этот момент кто-то тихонько постучал в дверь.

-Кто там, – спросила Елисавета чуть слышно и её охватила дрожь.

-Это я, – так же чуть слышно ответил Иоанн.

-Не открою, – подумала Елисавета, – пусть убирается, – а сама, словно это был кто-то другой, а не она, подошла к двери и отворила.

-Заходи, – только и сказала она.

Закрыв дверь, Елисавета повернулась, и в этот момент Иоанн обнял её.

-Ты с ума сошёл, – прошептала она, – а он, проведя ладонью по её щеке, тихо сказал, – какая ты красивая! Его рука опустилась ниже и нежно сжала её грудь.

Всё поплыло перед глазами Елисаветы. Она совсем не помнила, как он раздевал её, как она сама помогала раздеться ему, как они легли...

-Ох, Иоанн, Иоанн, сладенький ты мой, – думала весь следующий день Елисавета, – скорее бы ночь настала.

Глава 2.Захарий

В одно мгновение жизнь Захария разделилась на два периода: до того момента и после. А границей послужил его разговор с соседом.

До того момента была размеренная и привычная жизнь. Он – священник, жизнь устроена, и жаловаться особо не на что. Разве только на то, что бог не дал им с Елисаветой детей. Раньше Захарий много молился и просил бога сделать для них милость и послать хотя бы одного сына, но теперь, когда весь пыл прошёл, он успокоился и решил, что, видимо, так богу угодно. Конечно, он не только молился, а предпринимал и другие усилия для достижения заветной цели, но, если честно, то в отсутствии детей он всегда винил свою жену. Сколько Захарий её помнил, столько она была равнодушна к святому процессу деторождения. Иногда приходилось покрутиться вокруг неё не один час, чтобы Елисавета милостиво согласилась, но и тогда ничего особенного не происходило. Равнодушно отведя положенное время, она так и ничего не испытывала, позволяла себя уговорить только недели через 3-4, ссылаясь то на головную боль, то на ломоту в спине. Только иногда, может быть, раз в год, а то и реже, Елисавета загоралась, глаза её начинали блестеть, и тогда она сама тянула его в постель.

Так вот они и жили до этого момента. А вчера, когда сосед Гавриил, неизвестно почему оказавшийся в их храме, сообщил ему, что по ночам к Елисавете ходит какой-то мужчина, наступила другая жизнь.

Захарий не мог поверить в происходящее. Да чтоб его Елисавета могла такое сделать? Никогда! У неё другой мужчина? Не может быть! Страсть? Да не смешите меня, Елисавета и страсть – так же как вода и огонь!

Конечно, он не поверил Гавриилу, но зерно сомнения было брошено в землю и дало свои ростки. Вернувшись, домой, Захарий стал присматриваться к жене, но ничего особого, отличного от обычного в её поведении не находил. Какая была, такая и есть! Всё это так подействовало на Захария, что, и без того неразговорчивый, он превратился в такого молчуна(1)*, что все знающие его пожимали плечами, мол уж не онемел ли наш Захарий окончательно.

Конечно, он не поверил соседу, но почему-то, когда он был на службе,

1.Библия. Лк.1:20

то всё время представлял, что кто-то другой находится в его доме, разговаривает с его женой, спит с ней, а она довольная прижимает его голову к груди.

-Так можно сойти с ума, – думал Захарий, – вот приду домой и поговорю с Елисаветой. Не может же она обманывать меня! Нет у ней никого, а этот сосед просто злопыхатель и бог обязательно покарает его за мои страдания!

Но, вернувшись, домой, Захарий молчал, не решаясь начать разговор и оскорбить жену этой мерзкой сплетней, а Елисавета вела себя как обычно и Захарий успокаивался. Но стоило ему уйти на службу, как его опять начинали преследовать ревность и обида.

Глава 3.Мария (1)

Почему так несправедливо устроен мир? Почему одним он даёт богатство, счастье и красоту, а другим – нищету, страдания и, если не уродство, то серую, ничем не приметную внешность?

Почему она не родилась в богатой семье, а живёт в таком убожестве, что и самой стыдно?

Почему её родителям бог не дал хорошего положения в обществе?

Почему у неё нет богатых нарядов и золотых украшений, которые хоть немного украсили бы её внешность?

Почему она не красавица? Почему, почему, почему???

Ах, если бы бог дал ей большие и выразительные глаза, гордый профиль, стройную фигуру! Может, тогда бы её смог полюбить богатый и красивый принц! Может. Но что об этом говорить, когда этого никогда не будет и от этих мыслей только большее становится. По всей видимости, так устроен наш мир, что богатство идёт к богатству, а бедность – к бедности, и никто не может вырваться из своего круга. Никто!

Вот и её обручили с этим Иосифом. Кто он? Да никто. Как говорится: ни кожи, ни рожи. Одним словом – плотник. Даже собственной мастерской у него нет, не говоря уж о хороших клиентах. Ну, а дом его, вернее, его родителей, которые живут по соседству, такая же глинобитная лачуга, как и у них, подует сильный ветер – развалится. Одно хорошо, что он из рода царя Давида. Но, если честно разобраться, то кто в этой стране не из рода Давида? Уж царь Давид и его сын царь Соломон постарались в своё время не обойти вниманием ни одну женщину Израиля.

А так хотелось быть счастливой! Мечталось о прекрасной и возвышенной любви, о цветах, сорванных только для неё, о хорошем доме, а главное – о жизни, когда не надо думать, чем заглушить чувство голода и как залатать на сто раз залатанное платье. Если раньше она хоть мечтать могла об этом, то теперь, после обручения, мечтать больше не о чём и впереди её ждёт жизнь бедной замужней женщины, которой уже некогда будет думать о принце её грёз.

1. Мария – библейская личность. Мать Иисуса Христа.

Глава 4. Новость

Почему ночи стали вдруг такие короткие? Раньше, когда почему-то не спалось, ночь тянулась и тянулась, что порою казалось, что рассвет никогда не наступит. А сейчас, стоит Иоанну зайти к ней в дом, так кажется, что прошло всего несколько мгновений, а рассвет уже начинает окрашивать алым цветом восточную часть неба и Иоанну, которым она не успела насытиться, пора уходить. Самое мучительное для Елисаветы было провожать его. Ей всегда казалось, что Иоанн уходит навсегда, и она никогда его больше не увидит. Елисавета прекрасно понимала, что это не может продолжаться вечно. В таком маленьком городке как Вифания(1) всё тайное становится явным довольно скоро. Это дело нескольких недель. Страшно представить, что с ними случится, когда все узнают. Вне всякого сомнения, их осудят на смерть и забросают камнями(2). Раскаивается ли она в содеянном? Сложно определённо сказать. Как замужней женщине ей стыдно перед Захаркой. Вернее, было стыдно вначале, несколько дней, когда он пришёл со службы, а потом это чувство куда-то ушло и его заменило равнодушие. Ну, есть ты в моём мире, куда же тебя деть? Как предмет какой-то, как, например, стол. Не выбрасывать же его? Она продолжала делать всё тоже, что и раньше: стирала, готовила, убиралась, говорила с ним. Но если раньше он был для неё живою душой, то теперь Елисавета относилась к Захарке как к какому-то предмету из её обихода. Все её мысли теперь сошлись на Иоанне и Елисавете стоило большого труда не называть мужа этим чудесным именем. Сколько раз в самый последний момент она прикусывала язык, готовый предательски обратиться к мужу: Иоанн.

-Что же делать? – спрашивала себя Елисавета, – как объяснить неожиданную беременность? Как избежать смерти?

Сколько раз Елисавета представляла, как её мёртвую будут жалеть соседки, содрогалась представленной картине, но надеялась в душе, что её обойдёт эта чаша. А иногда она совсем расхрабривалась и начинала жалеть не себя, а этих своих соседей, которые всю жизнь прожили без

1. Вифания-небольшой город в пяти километрах от Иерусалима.

2. Согласно закону Моисея мужчину и женщину, за прелюбодеяние, приговаривали к смертной казни.

этого волшебного чувства, которое под старость лет посчастливилось испытать ей.

– Это мне вас жаль, – как бы обращалась она к ним, тем, кто прожил всю жизнь в жизненной суете и так и не почувствовал нежного трепета всего тела только при одном прикосновении любимого.

Пожалуй, ещё можно что-то сделать. Отказаться от встреч с Иоанном, сделать тайно аборт и забыть о том, что случилось. Можно. Только как вот поднять руку на маленькое существо, которое живёт в её утробе? Как поднять руку на ребёнка, которого она хотела всю свою жизнь? Елисавета решила испытать счастье.

Как только выдалась свободная минута, она под села к читавшему за столом Захарию. Он удивлённо посмотрел на неё и, улыбнувшись, спросил: – вслух почитать?

-Нет, – ласково посмотрев на него, ответила Елисавета, – я хочу сообщить тебе одну новость, которую я скрывала от тебя пять месяцев(1).

-Новость? – недоумённо повторил Захарий, – да разве в нашей маленькой Вифании могут быть новости? Это в Иерусалиме могут быть новости, там жизнь бьёт ключом, там интриги, там, что ни день, то появляются всё новые спасители нации, пророки, мошенники и прочие любители половить рыбку в мутной воде. А у нас что? У Абрама осёл пал? Экая невидаль!

Захарий, высказав свою недельную норму, замолчал и стал ждать, что же скажет Елисавета. А она, как хороший актёр, держала паузу.

-Всегда она так, – подумал Захарий, – заинтригует, а потом выжидает, чтобы разжечь интерес к какой-нибудь мелкой новости.

-У нас будет ребёнок!

-Что? – не понял Захарий.

Он давным-давно смирился с мыслью, что у них никогда не будет детей и то, что сейчас ему сообщила Елисавета, он не принял ни душой, ни разумом.

-О чём ты говоришь? – нахмурился он.

-Я беременная, вот что.

Захарий провёл равнодушным взглядом от макушки жены до пят, как бы оценивая пригодность Елисаветы на беременность, и с твёрдой уверенностью, что этого никогда не может произойти, произнёс: – не надо так, Елисавета, не бреди рану.

1. Библия. Лк. 1:24

Он был совершенно спокоен. Ему легче было поверить, что Елисавета – наследница Египта, чем в то, что она ему сообщила.

-Ты что, не рад? – Тихо спросила его она, – я на шестом месяце. Хочешь послушать, как он шевелится?

Елисавета взяла руку окаменевшего Захария и положила себе на живот.

-Подожди маленько, – велела она, – притих сорванец что-то.

Захарий не ощущал никаких шевелений, но до него, наконец, дошёл смысл сказанного женой и вместо шевелений плода под его рукой он почувствовал шевеление остатков волос на голове.

-У нас будет ребёнок?! Сын, которого он столько лет ждал?! Бог сжалился над ними? Уж не сошёл ли я с ума?

Всё это проносилось в голове Захария и ему даже показалось, что это происходит не с ним, а с кем-то другим, а он только наблюдает происходящую сцену со стороны.

Вдруг под его ладонью вначале что-то чуть слышно вздрогнуло, а потом Захарий ощутил толчок, словно кто-то изнутри Елисаветино живота упёрся в его ладонь. Захарий в испуге отдернул руку и уставился на жену, словно в первый раз её увидел. Елисавета рассмеялась, увидев его реакцию, а Захарий, наконец, выдал из себя: – как это возможно?

-Бог помог, – ответила Елисавета, – и добавила, – тяжело мне стало с хозяйством справляться, устаю я последние дни сильно. Помощница мне нужна, а иначе не выношу дитя – скину.

-Пригласи кого-нибудь из родственников в помощь, – машинально ответил Захарий, – сестру свою Марию(1).

– А откуда он мог взяться? – вдруг без всякого перехода спросил он.

-Кто? – словно не поняла Елисавета.

-Ребёнок.

-Ты не знаешь, откуда дети берутся? – засмеялась Елисавета.

-Не темни, – вдруг, сразу помрачнев, тихо сказал Захарий, – я уже, наверное, год как к тебе не прикасался.

-Как не прикасался? – с возмущением ответила Елисавета, – а тогда, когда вы с Абрамом напились как последние свиньи и ты полез ко мне ночью?

– Я? Полез? И что, смог?

-Смог! Ещё как смог, вот и результат в моём животе, – счастливо

1.Библия. Лк.1:36

засмеялась Елисавета.

Захарий стал вспоминать тот вечер, когда они с соседом Абрамом хорошенько перебрали, но ничего не мог вспомнить, даже сам повод, по которому они выпивали. Бог помог? Какой там, к чёрту, Бог, уж он сам священник и знает все эти сказки из библии про чудеса деторождения.(1) Неужели сосед Гавриил говорил ему правду и у Елисаветы кто-то есть? Кто? Захарий было пустился на этот неприятный для него путь размышления, но в его голове прочно засел весёлый ответ Елисаветы, – смог! Ещё как смог, – и этот её ответ, произнесённый так уверенно и искренне, заглушил всё остальное.

-Надо же, – загордился собой Захарий, – я оказывается, ещё могу!

-Точно, – уже радостным тоном сказал Захарий, – давай пригласим Марию: она девка шустрая и будет тебе хорошая помощница. Завтра же, нет, сегодня я пошлю за ней.

-Умница ты у меня, – похвалила его Елисавета, – с тобой Захарий – как за каменной стеною. Она видела, что он совсем поверил ей. И это сразу разогнало её страх, который копился и копился в ней с тех пор, как она поняла, что беременна. Елисавета долго, с большим страхом репетировала в уме эту сцену и сейчас, когда все её страхи остались позади, ей не верилось, что всё прошло так легко и гладко.

-И чего я только боялась? – радостно думала Елисавета, – мужики все олухи, ври им как тебе нужно и они всему поверят, только врать надо уверенно и с чувством. А если и сыграть всё хорошо, так самый жалкий кобелёк поверит, что он лев.

От автора. Чудеса деторождения – излюбленный приём библейских писателей и описан в библии не один раз. Вспомните чудесное рождение Исаака, когда его отцу Аврааму было 100 лет, чудесную беременность молодой Сунемитянки, у которой был старый муж (библия. 4цр.4:17). Вот и здесь писатели библии применили испытанное оружие, чтобы показать силу всемогущего Бога. Только в данном случае вышла вопиющая накладка, показывающая, что всё это сказка для простаков. Почему? Библия от Луки говорит: У Елисаветы и Захария не было детей, ибо были они в годах преклонных. (библия. лк.1:7,1:18). Чудо: у престарелого человека рождается сын! Ложь! Закон Моисея гласил: (библия. Чис.8:25) священник обязан прекратить службу в 50 лет. Выходит, Захарию не было и пятидесяти и вместо чуда получается что, тот, кто писал евангелие, не знал законов и обычаев Израиля!

А через три месяца в том же доме происходит ещё одно чудесное зачатие, зачатие Иисуса Христа. Прямо не дом, а зачаточное место.

Поверите ли вы человеку, кто говорит вам ложь?

Глава 5. Иосиф

– Почему люди не боятся делать подлости? – думал Иосиф(1).

-Почему люди не боятся обманывать, красть, грабить и даже опускаются до убийства ближнего?

-Почему такие люди (а их не так уж и мало) не боятся божьего гнева?

-А может, они надеются, что Бог в круговороте своих многочисленных дел забудет о греховном поведении людей и его гнев минует их голову?

-А может, и того хуже – плохие люди союзники (даже подумать такое страшно) его Самого? Взять его прародителя – царя Давида : уж какой мерзопакостный человек был – клейма ставить негде, а ведь Бог любил его и не просто любил, а всячески помогал ему, несмотря на то, что царь Давид был подлый убийца. Нехорошо, конечно, думать так о своём прародителе, но правда есть правда и если вспомнить, как Давид приказал убить своего военачальника Урию(2), чтобы переспать с его женой, то мороз по коже пробегает от такого вероломства. Ну, ладно, его как родственника можно было бы простить за эту историю – ну, оступился царь, с кем не бывает. Но в том-то всё и дело, что это не единичный случай его *подвигов* и он, кровопийца, как звали его в народе,(3) творил чёрные дела всю жизнь. Даже его родной сын Авессалом(4) обвинил царя в вопиющей несправедливости и, выказывая полное презрение к отцу, вывел на крышу дома любимую женщину отца и вошёл к ней при всем народе(5). Бр-р-р, даже представить – то страшно. Вот это прародители!!

Ну, а в итоге? Да ничего: Бог как любил Давида, так и продолжал любить!

Тогда получается, что бог – такой же преступник как и Давид? Рука руку моет? Грех – то, какой – так думать ...но как объяснить то, что чем паскуднее человек, тем больше ему сопутствует удача? А ведь удача идёт от бога! И наоборот: чем богобоязнен человек, чем больше он делает истинно добрых дел, тем бесполезнее это для него. Почему божий гнев обходит стороной мерзавцев, а поражает честных и бескорыстных людей? Или у Бога свои мерки и главное для него – вера?

1.Иосиф – библейская личность, отчим Иисуса Христа.

2.Библия.2Цар.гл.11

3.Библия.2Цар.16:7,8

4.Авессалом – библейская личность. Сын царя Давида от Маахи.

5.Библия.2Цар.16:22

Тогда выходит, что будь ты хоть трижды убийца и мерзавец, но убийца и мерзавец с именем Бога на устах, то тебе простится всё – что можно и что нельзя.

Вот и сегодняшний день доказал, что всё это так. Эх, жизнь! Он весь день трудился, мастера полки в новой лавке богача Авеалоха, а получил за свой труд только унижение. Наобещавший утром ему хороший заработок Авесалом вечером вдруг сказал, что полки Иосиф сделал плохо.

-Да за такую работу тебе вообще платить не надо, – со вздохом сказал он Иосифу, – ну, да ладно уж, я Бога боюсь, поэтому получай. И он бросил Иосифу две монеты, на которые и кусок сыра не купишь.

А он-то, он, вместо того, чтобы взорваться, взять топор и разломать идеально сделанные полки, стоял как оплётанный и молчал – так сильно был поражён наглостью этого богача. А потом так же молча, собрал свой инструмент и пошёл домой.

-А может взять и вернуться? Разломать все полки и с презрением бросить две монеты в лицо этого наглеца?

Иосиф представил, как он сделает это и решился вернуться, но остановился посреди дороги и с минуту стоял, задумавшись. Затем вдруг опустил голову и пошёл домой.

-Пусть его Бог судит, – решил он и подумал о том, что ему сейчас скажет мать. Иосиф поморщился, представив, что сейчас произойдёт и, печально вздохнув, толкнул дверь дома.

Отца дома не было, а мать, увидев его, засуетилась, приготавливая воду для умывания.

-Как отработал? – спросила она, поливая на шею Иосифа воду из кувшина.

-Да как всегда, – отфыркиваясь от воды, ответил он, тоскливо ожидая вопроса о деньгах.

-Хорошо ли Авесалом тебе заплатил? – смотря, как вытирается Иосиф, спросила мать.

-Нехороший он, мама, человек: – сказал, что полки я сделал плохо и дал мне всего две монеты.

-Что! Опять тебя, простофилю, обманули? Ну, а ты что же? Молчал как всегда?

Мать хорошо знала своего *беззубого* сына, которого обманывали все, кому было не лень.

-Да чтоб мой Иосиф плохо работу выполнил! Ну, этому жирному барану это так просто не пройдёт!

Не откладывая дела в долгий ящик, она решительно направилась в сторону лавки Авесалома.

Иосиф знал, что произойдёт дальше. Мать поднимет вой на всю улицу, призывая в свидетели, всех соседей. Какими только словами она будет ругать Авесалома, какими только карами будет ему грозить!

Так оно и случилось и мать не скоро бы отступила от лавки Авесалома, если бы не появившийся отец, который просто утащил её домой.

-Лопух, простофиля, – перешла ещё разгоряченная мать на мужа, – уродился же такой: не украсть, не покараулить – весь в папашу.

-А что же ты тогда за меня замуж пошла? – с улыбкой спросил её отец и тем самым только подлил масла в огонь.

-Да знала бы, какой ты беззубый – сроду не пошла! – ответила, как всегда, мать, – всю жизнь не живу с тобой, а мучаюсь. Вон других взять, не только своё из глотки вырвут, но и чужое. А ты же, видать, родился только для того, чтобы обиды терпеть. Но и этого, Богу было мало: сын в тебя пошёл – такой, же растяпа!

Они с отцом ещё поругались немного и мать утихла.

Иосиф любил отца. Следуя еврейской мудрости – *Кто не учит сына ремеслу – учит его воровать*, отец много лет назад выучил Иосифа ремеслу плотника и он стал его правой рукой и хорошей подмогой родителям. Но не только за это был благодарен ему Иосиф, а за мудрость жизни, которой учил его отец. Отец знал грамоту, писания, законы. Даже священнослужители обращались к нему за советом. Ещё бы: ведь он был учеником самого раввина Гиллеля,⁽¹⁾ авторитет которого среди народа был непререкаем. Сколько Иосиф себя помнит, отец всегда

брал его с собой в Иерусалим на свои встречи с Гиллелем, где и произошло формирование его жизненной философии.

-Эх, если бы люди жили, как учит этот великий человек, – думал Иосиф, – как прекрасно было бы наше общество.

-Ладно, сынок, не переживай, – обратился к нему отец, – всё это суета, больше денег, меньше, главное – чтоб ты чувствовал себя человеком. Помнишь слова Гиллеля: -*Повсюду, где нет человека, будь ты человеком*.

1. Гиллель-выдающийся философ и религиозный деятель времён Иисуса Христа (умер в Иерусалиме 6 год н.э.). Фразы евангелия якобы принадлежащие Иисусу Христу (Не делай ближнему твоему того, чего не желаешь себе и др.) явно взяты из его знаменитого труда*Пирке Абот*.

-Как ты будешь себя чувствовать человеком, когда у тебя задница голая? – встряла мать, – деньги – это не главное, видите ли, для него. А кушать, что ты будешь завтра, а? Правду свою? Вот я завтра тебе её на обед и предложу, посмотрю как она тебе понравится. А Мария? Приведёт Иосиф невесту в дом, а я её тоже твоей правдой кормить буду?

-Да люблю я тебя, крошка моя. С тобой мы не пропадём, – стал льстить матери отец, – ни за что и никогда!

Иосиф заулыбался: отец старый, а каждый день матери в любви признаётся. Ей это нравится, и она всегда утихает после его слов.

Как только мать упомянула Марию, на душе Иосифа стало тепло, и неприятности дня куда-то испарились.

-Правильно говорит отец, – подумал он, – не в деньгах счастье. Разве деньги могут заменить собой Марию?

-Ну, а если собрать все деньги, что есть на всём свете, променял бы их на её? – спросил Иосифа провокаторский голос из головы. – Представь себя богатейшим человеком во всём Израиле. Ну, так как? Променял бы Марию?

-Нет, – ответил противному голосу Иосиф, – ни за что! Ни за какие деньги!

Соседка Мария давно полюбила его, и он был благодарен матери, устроившей, наконец, их обручение.

-Тогда и маме полегче станет, – подумал Иосиф, – Мария – девушка работающая, не богатая белоручка. Только вот одно плохо: уехала она вчера в Вифанию аж на несколько месяцев. Приехал посыльный от Захария, мужа её сестры: она в положении и нуждается в помощи по хозяйству. Что ж, это святое дело – помогать людям. Вот вернётся, тогда и свадьбе быть.

Глава 6. Путешествие в Вифанию

Вопрос – ехать ли Марии в Вифанию – не подлежал обсуждению. Конечно, ехать! Весть о беременности Елисаветы несказанно обрадовала всю семью Марии. Быть бездетной в Израиле было не то, что бы грех и позор, но что-то близкое к этому. Есть, значит, бог Иегова, если Елисавета получила его благословение в таком возрасте. Есть! Так рассудила Мариина семья.

Сборы были недолгими. Наутро Мария с присланным за ней Нагтем сели на ослов и отправились в далёкий путь. Предстояло проехать более 100 километров, разделяющих Назарет и Вифанию. Это не много, но и не мало, тем более для ослов, да ещё это время года делало этот путь мучительным: был декабрь и вот-вот должны были начаться холодные затяжные дожди.

Но бог миловал, и через несколько дней Мария увидела Иерусалим. Для неё, ни разу не выезжавшей из родного Назарета, Иерусалим показался центром мира. Ещё издали Мария

увидела возвышающуюся над всей округой каменную громаду, и у неё ёкнуло сердце. Назарет всегда казался ей огромным, а теперь выглядел букашкой по сравнению с городом Великого царя. Они въехали в город через Дамасские ворота.

-А народу-то, народу на улицах! Как будто праздник какой! – Удивлялась Мария, – все куда-то спешат и никто ни с кем не здоровается. Да как можно жить в таком муравейнике? И как только они не оглохнут от страшного шума, издаваемого всей этой массой людей? Она бы, наверное, с непривычки и оглохла, если бы не спешивший домой Наггей. Он и не думал задерживаться в Иерусалиме и они, поблуждав по улочкам этой громады, где, как казалось Марии, они обязательно заблудятся, покинули Иерусалим через Стефановы ворота. От Иерусалима до Вифании было рукой подать и через полчаса они остановились у дома Захария. Мария сползла с осла и с трудом сделала несколько шагов, пытаясь размять онемевшие ноги. Наггей заколотил в дверь. Захарий выскочил из дома на шум и бросился обнимать Марию.

-Елисавета! – закричал он, – смотри, кто к нам приехал.

Через несколько секунд показалась взволнованная Елисавета и, увидев долгожданную сестру, отстранив Захария, стала целовать Марию.

-Да ты совсем взрослая стала, – чуть успокоившись, сказала Елисавета, – я тебя и не сразу узнала.

В момент, когда Елисавета опять прижала к себе Марию, дитя, словно маленький жеребёнок, взбрыкнул в её утробе.

-Ишь, сорванец, – засмеялась Елисавета, – это он тебя приветствует.(1)

-Ну, заходите, заходите в дом, – скомандовал Захарий, – поди, не май месяц на дворе – то торчать.

1.Библия. Лк.1:41

Глава 7.Иоанн

Какое у него сегодня будет настроение, Иоанн всегда определял, когда умывался после сна. Если глядя на медный кувшин, из которого он поливал воду, Иоанн подмигивал своему отражению, то настроение будет отличное. Если просто не замечал своего отражения – то так себе, не хорошее и не плохое. Ну, а если его отражение казалось ему уродливым, то, видимо от этого гадкого зрелища он весь день ходил мрачным.

Сегодня он подмигнул весёлой рожице на боку кувшина и его отражение, словно в ответ, заулыбалось от уха до уха, подмигнуло в ответ и пожелало хорошего дня.

– Сегодня пойду к Елисавете, – решил Иоанн, – давно не заглядывал к своей старушке. От этой мысли на душе стало ещё лучше, словно он собирался встретиться не с увядающей женщиной, а с молодой девицей, у которой на щеках пылает румянец и от кожи исходит пьянящий запах спелого яблока.

Скорый завтрак с Наумом, мужем сестры Иоанна, у которых он жил последний год, отвлек его от мыслей о Елисавете и только тогда, когда они подходили к Иерусалимскому рынку, где Наум обзавёлся лавкой, он опять вспомнил о ней.

– Что это меня так тянет к ней? – спрашивал себя часто Иоанн, – что я, не знал женщин? Знал, да ещё каких! Так в чём дело?.. Видимо скучно мне здесь, закис совсем: побаловаться не с кем, а я без этого, как рыба без воды.

Природа не обидела его внешностью и, помимо высокого роста и стройной фигуры атлета, наделила классически правильными и красивыми чертами лица. Красивая внешность, конечно, не деньги, но это тоже что-то значит в нашем мире и может открыть широкие перспективы для владельца. Правда, здесь, как, впрочем, и в любом деле, всё надо делать с умом, а иначе дров можно наломать, да ещё каких! Казалось столько было у Иоанна возможностей

обустроить свою жизнь, но, видимо, природа, щедро наделив его внешне, обделила в умственном плане и, кроме приключений на свою дурную голову и другую часть тела, он ничегошеньки не получил. Столько упущенных возможностей!! А ведь поначалу всё так хорошо начало складываться, и он попал во дворец царя Ирода Великого. Царь Ирод был мужик серьёзный, своеправный и деловой. Вон сколько понастроил в государстве, один Иерусалимский храм, какой отгрохал. Но и в желании хорошо отдохнуть после дневных забот царь не отказывал себе, жил по принципу: работать – так работать, отдыхать – так отдыхать. Счастье, казалось, показало Иоанну свой краешек, когда Ирод заметил его и взял к себе во дворец певцом. Ох, и любил Ирод песни послушать!

-Удача! – кричала душа Иоанна, – я выбиваюсь в люди!

Рано радовался: ума построить карьеру как раз и не хватило. ...Вот если взять царя Давида: он из пастухов выбился в цари. Как говорится: из грязи – да в князи. А он, Иоанн, вместо того, чтобы повторить путь царя Давида, пошёл неправильным путём: завязал любовные интриги с женами важных лиц государства... и погорел. Попробуй, откажи знатной даме, избалованной деньгами и властью! Да её любовь сразу в ненависть превратится, и тогда только держись! Крутился как уж. Но выкрутиться не смог. ...Нет, царю Давиду всё-таки легче было: он любовь с сыном царя Саула – Ионафаном(1) крутил и неизвестно как бы он кончил, если бы не любовь Ионафана(2), а Иоанну, чтобы не потерять голову, пришлось бежать в Египет. Евреи всегда убегают в Египет, когда что-то в их жизни становится не так. Поживут, успокоятся, поднакопят денег – и при первой же трудности сматываются назад, в Палестину. Ну, а в Египте у Иоанна случилась другая история. Он неплохо устроился в Александрии, но жена его хозяина Лемуилла, Гомерь, чуть не сгубила всю его жизнь и оставила без всего, нажитого честным трудом. А дело было так: его хозяин Лемуилл разбогател на продаже царю Ироду строительных материалов. Весь день занятый делами, он поручил управлять своим огромным домом Иоанну и счастье, казалось, вновь повернулось к нему лицом. Деньги зазвенели в его кармане, и можно было даже и не приворовывать. Предпринимательство Лемуилла образовало огромную брешь в сердце его жены, которая быстро залатала пробоину Иоанном. Все в доме, даже последний конюх, знали об этой пылкой любви хозяйки к Иоанну, но из страха перед ней молчали. Через полгода совсем потерявшая голову Гомерь отравила мужа без всякого

1.Иофан – библейская личность, сын царя Саула.

2.Библия.1Цр.18:1,20:30,20:41

сожаления... Нет, он не участвовал в этом смертоубийстве, он только идею подал. Ну и началась не жизнь, а сказка. Иоанн почти вступил в права её супруга. Почти, да не совсем – попутал чёрт в лице молоденькой и стройной служанки Маахи. Однажды, когда Гомерь ненадолго отлучилась, он прищучил Мааху в спальне. Дурак! Да Гомерь и в дом-то не успела войти, как ей всё доложили. Скандал был огромный, а на другой день Гомерь обвинила его в пропаже крупной суммы денег и его арестовали. Пришлось отдать всё, что он успел заработать и своровать, начальнику стажи и ему устроили побег. К его счастью царь Ирод скончался, и он вернулся на родину. Только что вот здесь делать? Ни связей, ни денег – ничего! Может, вернуться снова в Египет? Один его знакомый из Египта, которого он встретил на рынке, сообщил, что Гомерь вроде бы одумалась и пыталась его найти. Разве можно сравнить жизнь в этой маленькой и жалкой Вифании с его роскошной жизнью в Александрии? Если бы не роман со старушкой, то с тоски можно удавиться. И что его только привлекло в ней? Фигура? Для своих сорока с хвостиком она действительно была стройной, а её кожа была упруга и тверда, как кожа бегемота. Лицо? Вроде бы ничего особого, но глаза! Это они, два самоцвета, два глубоких колодца, в которых даже днём видны звёзды, поразили его с первого взгляда. Прямо наваждение какое-то. А стоит ему вспомнить их ночи, так ему снова хочется увидеть Елисавету и ощутить на себе всю лавину любви, которую она обрушивала на него. А её речи! Иоанн и десяти слов не

произносил в её доме: говорила только она. Говорила всё время, даже тогда, когда ей становилось очень хорошо, в самый пик, когда, кроме стонов, ничего не может вырваться из уст – даже тогда она умудрялась выплёскивать на Иоанна тираду нежных слов. Порою Иоанну казалось, что сказки Шехерезады придумала именно Елисавета, а не кто-то другой.

Их роман явно затянулся и сестра Иоанна, бывшая в курсе его походов, каждый день пеняла ему за Елисавету

– Пошутил, Иоанн, и хватит, – говорила она, – ты немедленно должен прекратить встречаться с этой развратной женщиной. Ты же знаешь, Иоанн, – с беспокойством добавляла сестра, – если Захарий узнает, а он обязательно узнает, если ты не прекратишь это, вас осудят на смерть.

Иоанн и сам прекрасно понимал, что пора поставить точку в их отношениях и даже говорил себе каждую ночь, что сегодня идёт к Елисавете в последний раз, но этот последний визит каждый раз становился предпоследним.

– Ну, ладно, – решил про себя Иоанн, таская мешки в лавку, – вот сегодня точно последний раз и... прощай, старушка.

Глава 7. Последнее свидание

За всю жизнь Елисавета привыкла к домашним обязанностям и легко с ними справлялась, но беременность поглощала всю её энергию, забирала все силы. Обыкновенная стирка, прежде не доставлявшая ей особых хлопот, превратилась теперь в муку.

С приездом же Марии справляться с домашними делами стало легче, а вернее всё делала она, а Елисавете ничего не оставалось, как только болтать с Марией.

Захарий отделил занавеской угол в общей комнате и устроил в этом закутке Марии спальное место, которое было напротив их с Елисаветой маленькой комнатки.

Через несколько дней Захарий ушёл на свою череду, а Елисавета стала обдумывать, как же ей жить дальше. Весь жизненный опыт, вся её женская логика говорили, что надо вернуться к прежней жизни и навсегда вычеркнуть Иоанна из жизни. Её бравая ложь мужу чудом прошла, он ей поверил и надо быть последней душой, чтобы не использовать этот шанс. Да и Мария приехала. Всё равно им негде встречаться.

Как было у них заведено с Иоанном, как только Захарий уходил на службу, в тот же день на закате Елисавета ходила за водой и по дороге подавала знак Иоанну – приходить или нет.

– Воды надо принести, – следя за временем, сказала Елисавета Марии, – да и прогуляемся заодно. Они взяли по кувшину, и вышли из дома.

– Пусть Иоанн увидит Марию и поймёт, что ко мне больше нельзя приходить, – подумала Елисавета, – если я как-нибудь не исхитрюсь сказать ему об этом.

Они набрали воды и медленно пошли домой, когда на улице появился Иоанн. Он медленно шёл им навстречу, лениво шагая, словно на прогулке.

– Ох, что-то мне плохо стало, сил нет, – схитрила Елисавета, – отнеси свой кувшин, сестрица домой, и вернись за моим, а я постою пока, отдышусь.

Мария кивнула головой и заспешила к дому. Она взглянула на Иоанна, шедшего ей навстречу, и её сердце обмерло. Какой красавец! Краска жаркой волной прихлынула к её лицу и она, смутившись оценивающего взгляда Иоанна, который бесцеремонно её рассматривал, потупив взор, быстро прошла мимо него.

– Боже мой, – пронеслось в её голове, – уж не сон ли это? Разве могут

быть мужчины так красивы? ...Ну почему он не Иосиф? Неожиданно для себя она представила этого Апполона на месте Иосифа. Вот он обнимает её, целует. От этой мысли Марию охватила дрожь, и она чуть не выронила кувшин.

– Господи, – с тоской подумала она, – ну почему он не Иосиф?

У самого дома Мария как бы нечаянно обернулась и увидела, что Елисавета беседует с этим Богом.

– Спрошу сестру, кто он, – решила она. Только бы она не заметила, что он мне понравился.

– Ушёл, что ли? – спросил Иоанн, поравнявшись с Елисаветой, – приду сегодня?

– Нет, Иоанн, – режа по живому, печально ответила она, – маленький скоро уже будет. Да и сестра ко мне из Назарета приехала. Боюсь я что-то, Иоанн, сердце не на месте. Не приходи больше. Нельзя.

– Ну, последний раз, Елисавета? А? Сам знаю, что нельзя, но решил я уйти в Египет и только Бог знает, увидимся ли опять.

Елисавета давно приготовила себя к разлуке с Иоанном, но не навсегда. Ну, думала, перестанут они встречаться у неё, ну, родится ребёнок, ну, пройдёт какое-то время, а потоммотришь – и выберут они подходящий момент. А тут Египет!

Сердце Елисаветы дрогнуло и она, теряя контроль над собой, ответила: приходи, только позже, когда Мария уснёт.

Иоанн чуть кивнул и пошёл вдоль по улице. Со стороны казалось, что сосед встретил соседку, поздоровался, поинтересовался здоровьем её семьи и, кивнув в знак почтения, пошёл по своим делам. Елисавета подхватила кувшин, и понуро направилась навстречу Марии.

– Сама донесу, полегчало мне, – ответила она на жест Марии, хотевшей взять кувшин, – мне больше двигаться надо: ребёнку это полезно.

Придя домой, Мария стала собирать на стол, а Елисавета, присев к столу, печально молчала. Как она не настраивала себя на разлуку с Иоанном, как не гнала о нём все мысли, желание Иоанна уйти в Египет, тяжёлым камнем легло на её сердце.

– А что это за мужчина нам повстречался, – вернул Елисавету к реальности вопрос Марии, – сосед, что ли?

– Да, – ответила она, не замечая заинтересованности в голосе Марии, – через дом живёт. Его шурин лавку в Иерусалиме открыл, так он и приехал ему в помощь.

– С семьёй?

– Нет, он не женат, – ответила Елисавета.

– Не женат! – пронеслось в голове Марии, – ах, если бы он полюбил меня.

– Да я что, совсем рехнулась? – тут же осадила она себя, – такой мужчина принцессу за себя возьмёт, если захочет. А Иосиф? ...И зачем он только ко мне посватался?

– Ты что, оглохла? – донёсся до неё голос Елисаветы, – я тебя в третий раз прошу воды мне подать.

– Ох, задумалась я, Елисавета, дом родной вспомнила, – спохватилась Мария.

– Иосифа, поди? Ну, ну, ваше дело молодое. А ты его любишь?

– Кого? – не поняла Мария, – а-а-а, Иосифа? Не знаю.

– Ну, он хоть красивый, – не отставала Елисавета.

– Не знаю, – опять ответила Мария и стала в уме сравнивать Иоанна с Иосифом. Вышло, что Иосиф просто урод, если его поставить рядом с Иоанном.

Елисавета всё поняла.

– Судьба наша женская такая, – печально вздохнув, сказала она, – я тоже не могла перед замужеством сказать ничего ни о Захарии, ни о любви, ни о красоте. Только теперь, под старость лет я стала понимать, где скрывается наше женское счастье.

– И где же оно скрывается, – поинтересовалась Мария, – расскажи мне, сестрица, может, и я смогу его найти.

– Что же это я ей говорю, – спохватилась Елисавета, – о каком счастье я могу рассказать? Да разве оно у меня было? Разве эти встречи тайком можно назвать счастьем? Если и можно,

то это неправильное счастье: оно против Бога, и я своровала его. А разве можно построить счастье на обмане?

– Ой, не знаю, Мария, – ответила Елисавета, – у каждого свой путь к счастью и одной дороги нет. Бог даст – и ты найдёшь свою тропинку. Что-то мы заболтались сегодня, поздно уже, давай спать укладываться, – вдруг свернула она разговор.

В четыре руки они быстро убрали со стола, и Мария отправилась в свой закуток, где, повздыхав немного, затихла.

Елисавета тоже улеглась и стала ждать тихого стука в дверь. Она понимала, что ещё рано, что Иоанн придёт не раньше, чем через час, но всё равно прислушивалась к каждому шороху за дверью.

– Только бы Мария не проснулась, – тревожилась она. – Нет, не проснётся, – тут же успокаивала она себя, – молодая: сон крепкий, гром грянет – не разбудит.

Наконец Елисавета услышала тихий шорох у двери, словно кошка, просящаяся в дом, царапала дверь. Елисавета бесшумно поднялась и, тенью пройдя по комнате, отворила дверь. Показав Иоанну знаком: молчи, она провела его за руку по темноте в свою комнату и они, стараясь не издать ни одного шороха, улеглись.

Елисавета тихо лежала рядом с Иоанном. Она положила голову ему на грудь и Иоанну даже показалось, что она уснула. Обычно, стоило ему только прийти, как Елисавета, словно вихрь, набрасывалась на него: прижималась, целовала, а её язык не успевал за мыслью. Елисавета шептала нежные слова, рассказывала какие-то истории, опять шептала, что он самый-самый. Это был нескончаемый поток слов, прикосновений, поцелуев. Но не сегодня.

– Ты никогда не была такой грустной, – шепнул ей на ухо Иоанн.

– У меня что-то тяжело на сердце, словно перед бедой, – ответила печально Елисавета. – Всё, видимо, оттого, что скоро мы надолго, если не навсегда, расстанемся, и это сжигает меня до кончиков пальцев. Я лежу и вспоминаю каждую проведённую с тобой ночь. Ты можешь мне не поверить, но я помню каждую ночь. За эти последние месяцы я стала совершенно другая и порою даже спрашиваю себя: неужели это я? Неужели это я – та женщина, которая без устали может повторять ранее незнакомое мне слово милый? Неужели это я – та женщина, которая может заниматься любовью по несколько раз за одну ночь и это не пресыщает меня? Неужели это я? Как случилось, что за короткий промежуток времени я из обыкновенной набожной женщины и верной жены, чтящей закон и мужа, превратилась в женщину, ставящую во главу угла любовь и с бесстыдством попирающая все представления о порядочной женщине. Ещё полгода назад я бы первая осудила такую женщину, а теперь? Теперь я считаю это нормальным и даже больше: я считаю ненормальным для женщины жить с человеком без любви к нему. Только вот кто нас спрашивает: любишь ли ты? Наши родители выдают нас замуж, стараясь побыстрее избавиться от лишнего рта в семье и неподчинение их воли – грех... Бог накажет меня Иоанн: встретив тебя, я стала великой грешницей. Накажет, только я не понимаю – за что. Святые писания учат, что всё в нашей жизни даётся от Бога: и власть, и деньги, и счастье, и любовь. Так если Бог дал мне любовь, так как это может быть грехом?

Иоанну было непонятно, то ли Елисавета спросила его, то ли разговаривает сама с собой и он молчал.

– Что ты всё время молчишь? – Слегка толкнула она его в бок, – ответь мне.

– А я откуда знаю, – прошептал опешивший Иоанн, – ты столько наговорила, что у меня ум за разум зашёл.

– Я спрашиваю тебя: любовь – это божье наказание или награда?

– Наверное..., – тут он замялся, – не знаю я, Елисавета, что ты меня спрашиваешь, вот Бога и спроси. Он отстранил голову Елисаветы и стал целовать её губы, шею, плечи. Она замерла, дыхание её участилось, а когда Иоанн чуть сжал губами её напухший сосок, Елисавета застонала и, выгнув спину, подалась к Иоанну всем телом...

Иоанн откинулся на спину и дышал как загнанная лошадь. Опомнившись Елисавета, боясь, что они разбудят Марию, закрыла его рот ладонью.

-Тише ты, – прошептала она прерывистым голосом, – Марию разбудишь.

-Сама-то, – только и прошептал сквозь её пальцы Иоанн.

Отдышавшись, Елисавета из печальной женщины превратилась в весёлую болтушку.

-А у тебя до меня были женщины? – спросила она.

-Не – а, – соврал Иоанн.

-Врешь!

-Я тебя умоляю, – искренне возмутился Иоанн, – откуда? Я стеснительный и робкий.

Для меня легче переплыть Галилейское море, чем попросить у женщины.

– Врешь, – опять прошептала Елисавета, – да кто откажет такому красавцу?

– Ей-богу, Елисавета, – взмолился Иоанн. – Хотела одна соблазнить в Египте, всё приставала, а я у её мужа служил и не позволил себе оскорбить хозяина.

– А как она к тебе приставала? – заинтересовалась Елисавета, – расскажи.

– Ну, я уже и не помню, – ответил Иоанн, – глазки строила, заигрывала. Ей-богу, не помню, забыл.

-А ты теперь к ней собрался? – с ревнивыми нотками в голосе спросила она его.

-Нет, что ты, я и забыл давно её, это ты своими расспросами напомнила мне о ней.

-А что ты там будешь делать?

-Ещё не знаю, Елисавета. Египет большой и найти работу там гораздо проще, чем здесь.

-Ну, а меня ты будешь вспоминать? – с надеждой в голосе спросила его Елисавета.

-Как же я могу тебя забыть? До самой смерти ты будешь в моём сердце.

От его слов Елисавета расплакалась и Иоанн никак не мог её успокоить.

-Ну, ну, перестань, Елисавета, – шептал он ей, – бог даст – ещё свидимся. Да и не сейчас я ухожу, а как тепло станет, месяца через три.

Под самое утро Иоанн, в сотый раз поклявшийся Елисавете в любви, тихо выскользнул из её дома.

Глава 8. Гора соблазна

После полудня, когда Елисавета прилегла отдохнуть, Мария решила подняться на Елеонскую гору, у подножия которой была расположена Вифания, чтобы оттуда полюбоваться Иерусалимом. Елеонская гора представляла собой возвышенность с тремя вершинами и дорога на Иерусалим проходила по средней. Чем выше поднималась Мария, тем величественнее открывался вид, а когда она, наконец, поднялась на высшую точку горы, сердце её замерло. Впереди, если смотреть на запад, раскинулся Иерусалим с его красивейшим сооружением – мраморным храмом царя Ирода. Даже отсюда, с расстояния в несколько километров, красота и величие этого чуда поразили Марию.

-Надо выбрать день и посетить его, – подумала она, – кто знает – увижу ли я его снова когда-нибудь.

Со стороны Иерусалима по пустынной в этот час дороге шёл путник. Когда он приблизился настолько, что можно было разглядеть черты лица, сердце Марии ёкнуло: это был Иоанн, их сосед. Мария никак не ожидала встретить его здесь. Сердце её запрыгало, как у воробья, а к лицу прилил жар.

– А-а, Мария, – воскликнул подошедший Иоанн. – Что ты тут делаешь одна?

-Пришла полюбоваться Иерусалимом, – скромно ответила Мария, стараясь не глядеть на него.

-Нравится? – с улыбкой спросил Иоанн.

–Очень! – воскликнула она. – Я никогда не видела такого чуда. Особенно этот храм. И Мария показала рукой в сторону храма.

–Воистину, – поддавшись её восторгу, с жаром подтвердил Иоанн, – хотя, как говорят, храм Соломона был красивей. Но мы его не видели: простояв 416 лет, он был разрушен войсками Навуходоносора.

– Откуда ты это знаешь? – спросила осмелевшая Мария.

– Я люблю историю и очень-очень любопытный. Я много тебе могу рассказать. Вот, к примеру, эта южная вершина Елеонской горы, – тут он показал рукой на соседнюю вершину, – знаешь ли ты, что её называют Горой соблазна?

Мария отрицательно покачала головой.

– Пойдём туда, – неожиданно предложил Иоанн, – я покажу тебе жертвенник на её вершине и расскажу, откуда у неё такое странное название.

Мария заколебалась. Она обручена, и прогуливаться с другим мужчиной не имеет права. Но, с другой стороны, она ничего плохого не делает, да и никто не узнает. Не дожидаясь решения, Иоанн взял её за руку как маленькую девочку и решительно двинулся вниз по уклону. Его решительность внезапно передалась Марии. Она неизвестно почему вдруг весело рассмеялась и, поддавшись какому-то задору, крикнула: – Побежали. Иоанн рассмеялся в ответ и, держа её руку, устремился вниз. Бежать под уклон было легко, и они быстро достигли подножия средней вершины. Не останавливаясь, они с разбега стали взбираться на соседнюю вершину, но бежать вверх было тяжело. Бег их замедлился и, не добравшись и до половины подъёма, они остановились. Мария запыхалась и с шумом выдыхала из себя воздух. Её щёки пылали как два спелых яблока, а глаза сверкали как звёзды. Неожиданно Иоанн притянул её к себе и поцеловал в губы. Никто и никогда не целовал Марию. И хотя в своих мечтах о принце она много раз представляла, как это произойдёт, действительность превзошла все её ожидания. Она и близко не могла представить, что поцелуй такой восхитительный, такой опьяняющий! Иоанн приготовился к негодованию, но ничего, кроме восторга, не увидел в глазах Марии.

Словно ничего не произошло, они двинулись к вершине, но добрались туда не скоро : через каждые пять – десять шагов они останавливались и Иоанн целовал ожидающую этих поцелуев Марию.

Вся вершина была покрыта старыми оливковыми деревьями и они, поплутав среди них, вышли на самую макушку горы к развалинам стоящего здесь когда-то дома.

– Смотри, – сказал Иоанн, указывая правой рукой на эти развалины, а левой обнимая Марию, – здесь, на этом месте, царь Соломон велел построить дом. Он любил смотреть с этого места на свой храм и очень часто приезжал сюда не один. Каждый раз он привозил понравившуюся ему девушку и после любования храмом занимался с ней любовью. Поэтому люди и назвали эту вершину горой соблазна.

Мария слушала Иоанна, но его слова с трудом доходили до её сознания. Оттого, что он говорит с ней, оттого, что они вместе в этом удивительном месте, оттого, что он её обнимает и целует, а это значит – любит, у Марии кружилась голова. Она чувствовала себя птицей, парящей над землёй в теплых восходящих потоках воздуха. Видимо, поняв её состояние, Иоанн прижал её к себе и стал покрывать поцелуями лицо и шею. Мария закрыла глаза от нахлынувшего блаженства и дрожала всем телом. Потом она стала робко отвечать на его поцелуи.

Сколько времени прошло? Пять минут? Десять? Час? Мария не знала, да ей было всё равно сейчас, весь остальной мир перестал существовать в её сознании, ей только хотелось, чтобы это блаженство не прекращалось.

– Пойдём Мария, – вдруг дошёл до неё смысл сказанного Иоанном, – скоро уже темно будет.

Мария кивнула, и они стали спускаться к Вифании. Не доходя до первых домов, Иоанн сказал: – Не надо, чтобы нас вместе видели, ты иди, а я постою здесь, а потом пойду.

С сожалением выпуская её руку Иоанн добавил: – Приходи туда завтра, а? Я буду тебя ждать на вершине. Придешь?

– Приду, – ответила Мария и, удаляясь от Иоанна, всё оборачивалась и махала ему рукой.

– Ты где была? – набросилась на неё Елисавета, – ночь на дворе, а тебя всё нет, я уже беспокоиться начала.

– Иерусалим такой красивый, что глаз нельзя оторвать, так и стояла, пока не стемнело, – соврала Мария.

– Разбойников на дорогах полно, а она по темноте шляется, – ворчала Елисавета, – не дай бог, попадешь к ним в руки.

– Не попаду, – весело ответила Мария и представила, как несколько страшных разбойников налетают на неё в оливковой роще. Они страшные-страшные, у каждого большой нож и они хотят её убить. В этот критический момент появляется Иоанн и как игрушечных кукол разбрасывает их в разные стороны, и они с ужасом разбегаются кто куда, а он поднимает её на руки и несёт домой.

От этой вымышленной сцены и без того волшебное настроение Марии поднялось выше того уровня, когда человек может ощущать реальность жизни. Реальность того, что она обручена, и ей нельзя не только встречаться, но и думать о другом мужчине, словно растворилась, а вместо этого в сердце Марии образовалась волна нежности к Иоанну. У Марии словно крылья выросли и она не ходила, а порхала по комнате, собирая на стол ужин.

– А что это ты такая счастливая? – спросила Елисавета, наблюдая, как Мария весело снуёт вокруг стола, – неужели вид Иерусалима может так тронуть сердце? А для меня наша маленькая Вифания куда милее, чем Иерусалим с его храмом царя Ирода.

– Нет, сестра, – возразила Мария, – ты просто много раз его видела и присмотрелась к нему, как к чему-то обыденному.

Так, препираясь и споря, они отужинали и решили теребить шерсть. Занимаясь этим делом, они продолжали болтать, но чем дальше, тем Мария говорила всё неохотнее. Постепенно её волшебное настроение перешло в печаль, а в сердце закралась тревога.

– Что же я делаю? – думала она, – что я скажу Иосифу, маме? А, может, взять и рассказать всё Елисавете? Она прожила долгую жизнь и сможет дать мне совет. ...Нет, только не это, Елисавета никогда не поймёт меня: она ни за что бы так не сделала, это великий грех, а Елисавета – само воплощение ангела. А, может, Иоанн сможет что-то придумать? Он же самый – самый умный и любит меня!

– Ты, видимо, устала, – заметив перемену в настроении Марии, сказала Елисавета, – давай-ка, подружка, спать укладываться...

... Первая мысль, которая пришла в голову Марии, когда она проснулась, была мысль о предстоящем сегодня свидании с Иоанном.

– Сегодня я снова увижу его, – пропел звенящий голос, исходивший из её сердца.

Весело подскочив, Мария быстро оделась и выпорхнула в комнату. Елисавета ещё спала, в доме было темно и Мария, стараясь не шуметь, стала разводить в очаге огонь. Всё горело в её руках и не прошло и полчаса, как она убралась в комнату, приготовила завтрак и стала ждать, когда проснётся сестра. Вчерашние тревоги куда-то ушли и то, что вчера казалось непреодолимым препятствием на их с Иоанном пути к счастью, теперь выглядело не так безнадежно. Утро вечера мудренее?

– Обручена? Ну и что? Да мало ли было случаев, когда после обручения дело так и не доходило до свадьбы, – подумала она. – Вот приеду домой и скажу маме, что люблю другого и за Иосифа замуж не пойду. Конечно, тяжело объяснить это решение и родители на дыбы встанут, стоит только обмолвиться о Иосифе, но это всё равно легче, чем врать и изворачиваться. – Папа-то сразу меня поймёт, – с теплотой об отце подумала Мария. Сколько она себя помнила, столько и видела его добрые глаза. То, что он был весёлый в день её помолвки, ещё не значит,

что он был рад этому. В тот день Мария обратила внимание на то, что когда она прибирала комнату к приходу сватов, он несколько раз останавливал её и, прижав её голову к своей груди, говорил только одно слово – доченька. Только сейчас Мария поняла, что он хотел тогда сказать ей: – Ты прости, дочка, меня: я не сумел устроить достойно твою жизнь.

А вот с мамой будет сложнее. Строгая она и порядок для неё превыше всего. Под порядком мама понимает всё в нашей жизни – порядок в доме, порядок в семье, порядок в отношениях с соседями, властями. И вот, повинаясь своему представлению о порядке, она сделает всё, чтобы свадьба состоялась. Но она любит меня и должна понять. Сядем с ней вечером у очага и поговорим о жизни, как мама любит делать.

Мария представила, как они будут сидеть вечером у потрескивающего огня, как мама всплкнёт в конце беседы и, обняв её, скажет: – Хорошо, доченька, для меня главное, чтобы ты была счастлива.

Ну, а после этих слов она уже никогда не отдаст её Иосифу! Ни за что!

Ну, а с Иоанном она обязательно будет счастлива! Уж он-то сумеет устроить их жизнь как надо, ведь Иоанн самый-самый умный.

Мария вспомнила, как она мечтала о богатстве, дорогих нарядах и рассмеялась: – Какая же я ещё недавно была глупая: думала, что деньги могут сделать меня счастливой. Да не надо мне ничего, лишь бы он был рядом. Пусть в лачуге, в пещере, в шалаше. Разве это делает людей счастливыми?

– А любит ли он меня? – внезапно подумала Мария. – Конечно, любит! Разве можно целовать девушку, не любя? Ни один нормальный человек не сделает этого. Разве она может представить себя, целующую Иосифа? Бр-р-р, противно даже!

– А ты что это, сестра, так рано поднялась сегодня? – прервала её размышления Елисавета, выходя из своей комнаты, – ещё спать и спать надо, вон темень какая на улице, а ты уже по дому хлопочешь.

– Прости, сестрица, я, наверное, тебя разбудила, – ласково посмотрев на Елисавету, проговорила Мария. Я выпалась, да и не так уже и рано, просто в конце декабря темень держится чуть не до обеда. Так что же теперь – спать полдня? Как ты себя чувствуешь, как маленький?

– Да, слава богу, всё нормально, только вот сны тревожные снились. Я не помню о чём, они позабылись, как только я глаза открыла, а вот чувство тревоги осталось. Такое ощущение, что беда должна случиться. Может, с Захарием что-нибудь?

– Это тебя маленький беспокоит: переживаешь перед родами, – стараясь успокоить сестру, сказала Мария, – давай я помогу тебе умыться.

После завтрака они продолжили возню с шерстью, и вскоре на улице стало светать, но из-за начавшегося дождя стоял полумрак, а затянутый тяжёлыми тучами небосклон не предвещал хорошей погоды.

– Как бы Иоанн не испугался дождя, – стала беспокоиться Мария. – А вдруг он не придёт?

У неё даже не возникла мысль о том, что в такую погоду она сама должна остаться дома. Как может она не пойти? Только всемирный потоп может остановить её. Может, но не остановит!

Время почему-то словно остановилось, и каждая минута казалась часом.

– Быстрее, быстрее бы обед, – торопила Мария, сгорая от нетерпения увидеть лицо Иоанна с его удивительным родимым пятном под левым глазом в виде маленького полумесяца. Мария вспомнила, как вчера она осмелилась дотронуться до этого странного пятна пальцем. Иоанн вдруг клацнул зубами, словно хотел укусить, она в испуге машинально отдернула руку, а он рассмеялся и сказал: – Это родимое пятно у нас фамильное. Оно передаётся по наследству из поколения в поколение.

... Перед обедом Мария стала выбирать, что же ей одеть в такую погоду, а Елисавета, увидев её сборы, забеспокоилась:

– Куда это ты, голубка, собираешься?

– Хочу ещё раз на Иерусалим посмотреть, – ответила Мария, – вчера он мне так понравился, что нет сил дома сидеть.

– Это в такую-то погоду? Ты что – с ума сошла? Да хороший хозяин овцу в такую погоду из овчарни не выпустит. И не думай даже: не пущу я тебя. Не хватает тебе простыть, да серьёзно заболеть. Что я тогда твоему Иосифу скажу?

Упоминание Иосифа только подстегнуло Марию.

– Я не на долго, – только поднимусь на гору, постою немного – и обратно. А ты пока приляг, отдохни.

Не слушая сердито ворчавшую сестру, Мария вышла под морозящий холодный дождь. Никого не встретив по пути, Мария свернула с дороги и, сдерживая дыхание, поднялась на вершину горы. Там никого не было.

– Конечно, в такой дождь только сумасшедший может прийти сюда, – оправдывала она Иоанна. Да и занят он, наверное, в лавке Наума.

Вдруг справа от себя Мария услышала шорох и увидела тень за стволом старого дерева.

– Неужели разбойники? – вспомнила она вчерашнее предупреждение Елисаветы и сердце её похолодело.

В момент, когда Мария уже была готова убежать из рощи, Иоанн с шумом выскочил из-за дерева и, подхватив её на руки, закружил среди деревьев.

– Как ты меня напугал, – весело сказала Мария, обнимая его за шею, – я думала, что это разбойники.

– Я и есть разбойник, – притворно грозно произнёс Иоанн, – я пришёл, чтобы погубить твою душу. Берегись!

– Я думала, что ты не придёшь сегодня, – сказала Мария, – ... всё этот проклятый дождь.

– Как я мог не прийти? – воскликнул Иоанн. – Как я мог не прийти, зная, что меня будет ждать самая прекрасная девушка на всей земле!

От этих слов сердце Марии ёкнуло, а Иоанн поставил её на ноги и стал покрывать лицо Марии поцелуями. У Марии закружилась голова, ей стало казаться, что это не она отвечает Иоанну жаркими поцелуями, а какая-то другая счастливая девушка, что это просто сон, а холодный дождь вовсе не холодный, а тёплый или даже горячий.

В таком состоянии Мария даже не заметила, что Иоанн привалил её к стволу дерева, что он откинул её мокрую мантию, что он задрал её нижнюю льняную рубашку. Всё поплыло как в тумане, она совсем перестала соображать и только подставляла свои жадные губы Иоанну и дрожала всем телом. Только тогда, когда боль пронзила её тело, она поняла, что происходит, но боль вдруг смешалась с жарким трепетом её тела, и этот трепет заставил её всё сильнее прижиматься к Иоанну...

Расставшись с Иоанном на краю Вифании, Мария заспешила домой. На душе у неё было и радостно, и тревожно. Радостно от того, что Иоанн поклялся ей в своей любви, а тревожно от всей неопределённости её настоящего и будущего.

– Приходи сюда через три дня, – сказал ей Иоанн, – я пока занят буду.

– Что, промокла, небось? – встретила её Елисавета вопросом, – и чего тебя, сумасшедшую, понесло туда в такую погоду? Садись быстро к огню греться да сушиться.

Мария скинула промокшую мантию и под села к очагу.

– Ты что это такая печальная? – спросила сестра, – вчера после прогулки ты просто летала по комнате, щебетала, как божья птица, а сегодня ты будто не Иерусалим ходила смотреть, а казнь падшей женщины.

От этого сравнения Мария вздрогнула, и на душе заскребли кошки.

– Продрогла вся, – ответила она, думая о своём.

– Что же теперь будет с нами? Господи! Быстрей бы три дня прошли. Иоанн обязательно за это время что-нибудь придумает.

Они рано легли спать, а весь следующий день занимались шитьём одежды для Елисаветы. Её живот рос не по дням, а по часам и в то, что у неё было, она уже не влезала.

Как всегда на закате, они пошли по воду и, когда возвращались домой, повстречали соседку – сестру Иоанна. Поболтав, как обычно, по-соседски, они уже собирались проститься, как она, как бы невзначай, сообщила:

– А брат-то сегодня в Египет ушёл. Вчера вечером пришёл мокрый весь и хмурый и стал собираться в дорогу.

– Куда ты, – отговаривала я его, – дождись тепла. Так нет – и слушать не стал, спозаранку и ушёл. В Александрию.

Сказав это, она пошла дальше, а Елисавета вздрогнула и выронила кувшин. Не успел он долететь до земли, как его догнал кувшин Марии, и они с глухим треском разлетелись на куски. Соседка обернулась на шум битой посуды и, покачав головой, пошла дальше, а Елисавета только всплеснула руками. Она хотела что-то сказать, но тут увидела лицо Марии, и сердце её сжалось от боли. Это было лицо человека с глазами, полными страха и ужаса.

– Ты что, Мария? Да пропади они пропадом – эти кувшины, стоит ли из-за этого так пугаться?

– Я...я, – только и смогла произнести Мария, давась слезами.

– А ну, пошли в дом, – скомандовала Елисавета, почувствовав неладное.

Не успели они войти в дом, как Мария, зарыдав во весь голос, бросилась в свой закуток. Обескураженная Елисавета последовала за ней и, как не пыталась, не могла успокоить плачущую Марию. Елисавета долго сидела у её изголовья и, не зная, что предпринять, только гладила Марию по голове. Своей женской интуицией она поняла, что случилось что-то очень нехорошее, и что Мария плачет не по разбитому кувшину, а по ушедшему в Египет Иоанну, но никак не могла взять в толк – почему?

...Наконец Мария затихла и тихо лежала, бессмысленно уставившись в стену. Её глаза, всегда излучавшие живость, потухли, словно внутри их задули свечку.

– Я, – начала она, – вчера была с ним. Там на горе.

Она замолчала, словно вспоминая, что же было там, на горе соблазна, а Елисавета, уже догадавшись, но как бы ещё надеясь, что она ошибается, с ужасом в голосе спросила: – И...?

– Я доверила ему себя.

Елисавета закрыла лицо руками и, раскачиваясь из стороны в сторону, заплакала. Это был, даже не плачь, а вой смертельно раненого зверя...

Когда Захарий вернулся домой, то сразу почувствовал неладное. Всегда весёлые и словоохотливые, Елисавета и Мария, теперь больше молчали, и говорили только по необходимости.

– Вы что, поругались? – спросил Захарий, – или у вас горе случилось? На вас посмотришь – подумаешь, что вы с похорон вернулись.

– Придумаешь тоже, – стараясь не выдать своих переживаний, ответила ему Елисавета. – Просто мне немного неможется, а Мария подпростыла. Так что не ожидай, что мы плясать перед тобой будем.

– Я не знаю, как лечить беременность жены, а вот твою простуду, Мария, я в один день выгоню, – сказал Захарий.

Он принялся колдовать над горшком, насыпая туда каких-то, только ему одному известных трав и корешков. Довольно хмыкнув, он поставил горшок на огонь и, вскипятив содержимое, налил в кружку.

– Пей, Мария, – скомандовал Захарий, – ещё одну кружку я приготовлю тебе перед сном, и утром ты и не вспомнишь о своей простуде.

Наутро Мария старалась выглядеть весёлой и бодрой, якобы от лекарства Захария, а Елисавета ей всячески подыгрывала. Может быть эта игра, а может быть от того, что при Захарии нельзя было говорить про Иоанна, постепенно всё пришло в норму и только по ночам чуткая Елисавета слышала, как плачет Мария...

Перед самыми родами Елисаветы Мария, пошептавшись с Елисаветой, засобиралась домой.

-Мы что, тебя обидели? – недоумённо спросил Захарий, когда Мария попросила его дать ей провожатого. – Елисавета родит со дня на день, как же мы без тебя обойдёмся?

-А как другие справляются? – ответила за Марию Елисавета, – да и лучше мне теперь. И вообще, Захарий, не лезь в наши женские дела. Неужели ты думаешь, что мы с сестрой не обсудили как нам быть?

-Да не пойму я, – начал Захарий, но Елисавета не дала ему говорить:

-Не понимаешь – и не надо, делай, как тебя просят. Иди к Нагтею и договаривайся.

Причитывающий Захарий пошёл к Нагтею, а Елисавета тяжело вздохнула: что будет, что будет?

В тот вечер, когда Мария призналась Елисавете, они проплакали всю ночь. Рассвет застал их, сидящих в тёмном Мариином закутке с опухшими лицами и болью в глазах. И вот, почти три месяца спустя, Мария почувствовала, что с ней творится что-то неладное. Часто подступала дурнота, то тошнота, то чёрные мушки начинали мелькать перед глазами. Когда Захария не было дома, она поделилась своими тревогами с Елисаветой.

-Что же ты раньше мне не сказала? – озабоченно произнесла она, – а я- то, старая дура, даже и не подумала, что это может случиться. Да ты, сестра, беременна.

Если бы вдруг грянул гром, и в дом ударила молния, то это бы меньше поразило Марию, чем то, что сказала Елисавета.

-Что же я теперь родителям скажу? – с ужасом в голосе произнесла она. – Что же теперь будет?

-Может, сделать аборт? – то ли подумала вслух, то ли спросила Елисавета. – У нас в городе есть хорошая бабка-повитуха.

– Ну и что? – плача ответила Мария, – я же всё равно не смогу обмануть маму, Иосифа. Я должна всё им рассказать.

-Но тебя убьют, – с ужасом в голосе произнесла Елисавета, – как только ты признаешься Иосифу, так тебя забросают камнями. Тут думать надо. Если не хочешь к бабке повитухе, так давай я тебе травок напарю. Глядишь, помогут, и выйдет из тебя грех наш.

Две недели она почти насильно поила почерневшую от горя Марию настоями разных трав, но так ничего и не произошло. Видя, что это не работает, Елисавета решила попытаться другим способом. Зная, что езда на осле для беременной женщины равносильна аборту, она решила отправить Марию домой в надежде, что она по дороге скинет. Ну, а если нет, то это всё равно лучше того, что она появится дома, когда живот уже под подбородок будет.

-Езжай-ка ты, сестрица, домой, – завела она разговор, – нельзя тебе дольше оставаться, живот за версту видно будет. А так, бог даст, что-то решится. У меня же решилось.

В ту памятную для них ночь Елисавета, к величайшему ужасу Марии, рассказала ей всё. И про Иоанна, и про беременность, и про её Захарию ложь.

-Да, сестра, так, наверное, лучше будет. Я не имею в виду живот, говоря лучше. Это уже не исправишь. Я о другом. Извелась я, Елисавета, спать не могу. Как закрою глаза, так и разговариваю с мамой до самого утра.

-И плачешь всю ночь. Думаешь, я не слышу? – тихо сказала Елисавета, – хорошо – Захарий спит, как дохлый осёл, а то бы полез со своими глупыми расспросами.

-Я бы поехала, только, как вот ты без моей помощи справишься? – спросила Мария.

-Ой, Мария! Да что я? И предстоящие роды, и Иоанн проклятый, из головы не выходящий, и ложь Захария – всё, всё у меня ушло – все мысли, все страхи. За тебя теперь боюсь. Как представляю, что может случиться с тобой, так глаз ночью сомкнуть не могу.

Тут Елисавета спохватилась, увидев полные страха глаза Марии.

-Да не слушай ты меня, дуру старую. Обойдётся всё у тебя, и за меня не переживай, справлюсь, не волнуйся. И вот что, Мария, если по дороге вдруг хлынет из тебя – сразу правьте в ближайшее селение, к ближайшей знахарке.

-А что, это может случиться? – спросила Мария.

-Может. У любой беременной может случиться и я молю бога, чтобы это случилось с тобой. Не бойся, не смертельно: срок ещё маленький. Но к знахарке обратиться всё равно надо, поняла?

Через день Мария с Нагеем собрались в дорогу. Перед тем, как им отправиться, Захарий обнял Марию.

-Спасибо тебе, – сказал он, – не знаю, что бы мы без тебя делали. Бог вознаградит тебя, Мария, за твоё доброе сердце.

Затем настала очередь Елисаветы.

-Помяни меня добрым словом, сестрица, если я умру при родах, – шепнула она Марии, – и прости, если что не так.

-Что ты, Елисавета, что ты! – испугалась Мария. – Всё будет хорошо. По крайней мере – у тебя.

Вернувшись обратно через несколько, дней Нагей сообщил, что доставил Марию в целости и сохранности, а ночью у Елисаветы начались схватки.

У перепуганного Захария тряслись руки, отчего он никак не мог одеться. Ошалевший от громких стонов жены он выскочил на улицу и, вместо того, чтобы побежать к дому бабки Нехушты, побежал в другую сторону. Опомнившись, он развернулся и, наконец, найдя в темноте нужный дом, забарабанил в дверь.

-Кто ещё там? – недовольно прошамкала Нехушта.

-Это я Захарий...Елисавета...началось...

-Понятно. Иди домой, я сейчас приду. Да поставь греться воду, – ответила бабка, и Захарий припустил домой.

Разведя очаг, он рысцой сбегал к колодцу и, когда Нехушта пришла, у него всё было готово.

-Да не суетись ты, – отругала она Захария, который метался то к Елисавете, то к очагу, – сходи к Руфине – пусть придёт помочь мне, а то от тебя толку, как от козла молока.

Вдвоём с пришедшей соседкой они колдовали над кричащей Елисаветой, а Захарий забился в угол. Время шло, Елисавета кричала, и Захарий просто одурел и от этого крика, и от своей беспомощности.

-Надо было Елкану пригласить, – думал он, – эта Нехушта только ворчать может. Копается как курица в навозе, да за это время уже десятерых можно было принять.

...– Тужься, тужься. Ну, ещё, ещё. Молодец, давай, милая, – кудахтала Нехушта и, наконец, приняла на руки неподвижного ребёнка.

Уложив его на стол, она прочистила ему рот и нос и стала вдыхать в рот воздух. Ребёнок не шевелился. Тогда бабка подняла его за ноги головой вниз и стала хлопать ладонью по спине. Ребёнок вдруг громко заплакал.

-Ну, наконец-то, – проговорила она радостным тоном, – а то я уже испугалась: думала – захлебнулся.

Она поручила обмывать ребёнка Руфине, а сама вернулась к Елисавете, ожидая послед.

-Сын, – сообщила она Елисавете, – и, насколько я понимаю в моём деле, – здоровый. С прибавлением тебя, Елисавета...

На восьмой день в доме Захария собрались гости на церемонию обрезания. По традиции отец ребёнка должен был сам, как это сделал Авраам, обрезать сына. Операция эта простая, чирк и всё, но Захарий боялся и, когда взял нож, то все увидели, как дрожат его руки.

-Ты не обрежь с корнем-то, – пошутил сосед Гавриил, чтобы подбодрить Захария. Все рассмеялись.

-Типун тебе на язык, – испугалась Елисавета, – осторожней, Захарий.

Пересилив кое-как страх, Захарий оттянул кончик плоти и чиркнул ножом. Ребёнок закричал, а все приветственно загудели.

После того, как Елисавета с помощницами обработали ранку и запеленали плачущего ребёнка, настала пора давать ему имя.

-Ну, Захарий, как назовёшь сына? – обратился к нему Гавриил, – именем отца твоего или именем деда?

Захарий ещё раз решил взглянуть на ребёнка. Он уже не раз вглядывался в лицо сына, стараясь определить, на кого же тот похож, но его лицо, особенно в первые дни, было до того сморщенное и синюшное, что понять что-то было невозможно. На отца уж точно нет, скорее всего, на деда. Но дед умер давно и, если честно, то Захарий подзабыл черты его лица. Вроде бы дед, черты лица, кажется, его и знакомы для глаза. Он уже было хотел произнести имя деда, как его внимание вдруг привлекло выступившее маленькое родимое пятно под левым глазом в форме полумесяца.

Да ведь это же Иоанн! Его лицо, его глаза и, конечно же, его родимое пятно. От своего открытия Захарий опешил и, сам того не замечая, произнёс вслух: – Иоанн(1).

Все сразу замолчали и опустили головы.

Напрасно Елисавета думала, что её связь с Иоанном осталась в тайне. Все в городке знали об этом. Только уважение к Захарии и их бездетному существованию заставляло людей молчать и не предпринимать никаких мер.

1.Библия. Лк.1:63

-Ты что, Захарий, – стал возражать Гавриил, – нет в вашем роду такого имени, не можно тебе так сына называть.

Но Захарий не слышал, что ему говорил Гавриил. Он вдруг ясно осознал, кто на самом деле отец этого ребёнка.

-Иоанн, – скрипя зубами, повторил он.

-Ну, Иоанн, так Иоанн, – вдруг согласился Гавриил, которому на ухо что-то прошептала его жена.

Захарий больше не сказал ни слова. Он сел на стул и погрузился в свои мысли. Елисавета, ребёнок, гости – все словно исчезли из его сознания, все, кроме красивого соседа Иоанна. А на другой день, поговорив с Гавриилом, Захарий обратился в синедрион(1)...

Захарий сидел за столом. На улице было темно и, спроси его, какой сейчас час, он бы не ответил. Поздний вечер, полночь, глубокая ночь – это не имело для него никакого значения. Время остановилось для Захария. Оно остановилось в тот момент, когда камень, брошенный Гавриилом(2) ударил Елисавету в шею, чуть ниже уха, и она вскрикнула. Этот вскрик был между * ах* и *а-а* и походил на стон. Словно не Елисавета, а её душа, получив этот удар, начала выходить из тела и, проходя через голосовые связки, с болью застонала: а-а-х-а-а-а.

Захарий мотнул головой, стараясь отогнать эту сцену, но она возвращалась и возвращалась, а в ушах проносилось и проносилось: а-а-х-а-а-а.

Наконец его внимание привлёк крик ребёнка. Захарий встал, но пошёл не к ребёнку, а в угол комнаты, где ища что-то, шептал: – Прости меня.

1.Синедрион – судебный орган.

2. По закону, свидетели обязаны были первыми бросить камни в приговорённого к смерти.

Глава 9. Плотник

Стоило Марии приехать домой, как мать засыпала её вопросами.

– Как там Елисавета? Как протекает её беременность? Когда рожать ей? А Захарий – то как? Поди, рад до смерти?

Вопросы сыпались и сыпались, и, казалось, им не будет конца, а у Марии всё плыло перед глазами после пятидневного равномерного покачивания на осле. Она до того устала за дорогу домой, что даже не переживала перед страшным разговором с матерью, который, всхлипывая, репетировала всю дорогу. Она машинально отвечала на вопросы матери, а после съеденного супа звуки материнского голоса стали доноситься до её сознания, будто издалека, а потом всё тише и тише и Мария уснула прямо за столом.

– Иди, ложись спать, – растормошив Марию, сказала мать и Мария, словно лунатик, поплелась на своё место.

Проснувшись Мария задолго до рассвета и, не открывая глаз, лежала, обдумывая предстоящий день.

– Кому вперёд признаться – маме или Иосифу? Лучше – маме. Может, она поймёт меня, как понимала всегда. Поймёт и простит? Нет мне прощения! Нет. Надо сказать Иосифу. Пока он обратится в синедрион, пройдёт какое-то время, в течение которого мама ничего не будет знать, а значит, и переживать за её судьбу. Так я и сделаю, пойду, сегодня к Иосифу и всё расскажу. Попрошу его сжалиться над моими родителями, пусть они узнают всё в последнюю очередь.

День прошёл, как обычно. Она помогала матери по хозяйству, отвечала на её вопросы, рассказывала про дорогу, а сама всё ждала вечера, чтобы пойти к Иосифу.

Неожиданно он появился сам.

– Здравствуй, Мария, – радостно произнёс Иосиф, ворвавшись в дом, – я только что узнал, что ты приехала. Как ты? Как поездка? Как твои родственники в Вифании? Как дорога?

Мать засуетилась, пригласила Иосифа за стол, но он отказался и с нежностью смотрел на Марию, слушая её однозначные ответы.

– Давай выйдем, Иосиф, – произнесла Мария, – я хочу поговорить с тобой наедине, – тихо сказала она ему, чтобы не слышала мать.

Он быстро сообразил, что Мария хочет ему сообщить что-то важное, и обрадовано сказал матери: – Мы пойдём с Марией прогуляться. Хорошо?

– Идите, идите.

– Куда мы пойдём, Мария? – спросил он, когда они вышли из дома, – может, забежим на минуточку к нам? Мама будет рада тебя увидеть.

– Нет, Иосиф, пойдём к заброшенному колодцу, а?

Мария знала, что там они никого не встретят, и никто не помешает ей сделать признание.

– К колодцу, так к колодцу, – весело проговорил он, – с тобой хоть куда.

Иосиф стал рассказывать, как суетится его мать, готовясь к их свадьбе, как она планирует устроить их быт, куда поставить их кровать. Он видел напряжённое лицо Марии, какое-то отрешение в её глазах, но относил это к усталости после тяжёлой дороги и всё пытался растормошить её.

– Мария! Ну, улыбнись, я так люблю, когда ты улыбаешься.

Мария, шедшая всю дорогу к колодцу с опущенной головой, сделала жалкую попытку улыбнуться, а потом вдруг, остановившись, произнесла: – Иосиф! Там, в Вифании... Она замолчала и вдруг заплакала.

– Я виновата перед тобой, Иосиф. Там, в Вифании, я полюбила другого человека.

Поражённый Иосиф не мог произнести ни слова. Он опустил голову, и со стороны казалось, что он внимательно разглядывает свои сандалии.

– Он говорил, что любит меня, а сам сбежал, – добавила Мария и, не смея глядеть на Иосифа или желая спрятать свои глаза, отвернулась от него.

– Ну, сбежал – и, слава богу, – тут же услышала она ответ Иосифа, в котором слышалось облегчение. – Дурак он, если сбежал от такой девушки.

Затем Иосиф помолчал несколько секунд и добавил: – Мы обручены перед богом, Мария. А любовь... Может, пройдёт время, и ты полюбишь меня.

– Ты не понял меня, – резко повернувшись к нему, с болью в голосе произнесла Мария, – он обманул меня, он... Я беременная.

При этих словах Иосиф застонал и закрыл лицо руками.

– Я знаю Иосиф, мне нет прощения. Прошу тебя только об одном: не беги сразу к моим родителям, не подымай сегодня шума. Пусть они узнают последними.

Иосиф отвернулся от Марии и долго стоял, что-то обдумывая. Марии даже показалось, что он забыл про неё. Наконец, он повернулся к ней и начал говорить:

– Знаешь, Мария, великий Гиллель сказал: *Не судите, да не судимы будете. Не судите своего ближнего, пока ты не в его положении.* Так вот, я не хочу тебя судить, на это есть Бог. Я никому не расскажу то, что ты мне поведала. Спасибо тебе за правду. Ты свободна, я отпускаю тебя(1). Я всем заявлю, что ты мне не нравишься. Главное, что ты останешься жить, а дальше – поступай как знаешь. Всё, Мария, иди домой.

Сказав это, он повернулся и зашагал в сторону своего дома...

– А где Мария? – спросила его мать, ожидавшая их.

– Нечего ей здесь делать. И вообще, забудь про неё, – сразил её Иосиф грубым ответом.

– Ты что это мелешь? – не поняла мать. – Уж не пьян ли? Да разве можно так говорить о своей невесте!

– Не невеста она мне больше, я отпустил её. Не нравится она мне, уродина, да и только.

– Да ты что, совсем спятил? – уже грозно сказала мать. – Перед соседями нас с отцом хочешь опозорить?

– Сейчас начнётся, – подумал Иосиф, но ошибся.

– Поругались, что ли? – вдруг поняв, в чём дело, заулыбалась мать. Не велика беда сынок: милые бранятся – только тешатся. Ничего. Помиритесь завтра.

– Нет, мама! Я передумал брать Марию в жёны. Понятно? И не приставай больше ко мне с разговорами о ней.

Первый раз в жизни Иосиф так грубо разговаривал с матерью. Она от удивления и обиды открыла рот и, поражённая поведением и словами Иосифа, не знала, что и сказать, а он, не став ждать её ответа и резко повернувшись, вышел из дома.

– Вот подожди, – услышал он растерянный голос матери, – сейчас придёт отец, он тебе передумает. Да как же я теперь в глаза людям смотреть буду?

1. Библия. Мф.1:19

Иосиф вернулся к заброшенному колодцу и долго, всю ночь просидел, думая о Марии.

– Это надо же быть таким животным, чтобы обмануть девушку, – гневно повторял он про себя. Какой же это подлец и мерзавец! Он представлял себе этого незнакомого ему уродца, представлял, как зверски избивает его и бросает в этот колодец.

– А я-то чем лучше? – вдруг подумал он. – Почему я забыл, чему учил отец, а отца – Гиллель: *Повсюду, где нет человека, будь ты человеком*.

– А я – то что? – тут же оправдал он себя. – Разве я не отпустил её? Теперь она будет жить.

– Жить, говоришь? – тут же осадил он себя, – как же она будет жить после рождения ребёнка без мужа? С какой славой?

– А что я ещё могу?

– Можешь! Если ты человек, а не скотина. Если любишь Марию. ...Любишь???

– Не знаю. Жалко её. И себя. Наверное, люблю, только не знаю за что.

– А разве можно любить за что-то? Если за что-то, то это уже не любовь, а покупка.

Рассуждая сам с собой, Иосиф и не заметил, что давно рассвело, и по дыму над домами можно было сделать вывод, что хозяйки готовят завтрак.

– Будь человеком, – пронеслось в голове Иосифа.

Он встал и решительно направился к дому Марии.

Мать Марии испуганно вздрогнула, когда Иосиф буквально ввалился в их дом. Сердце Марии сжалось в напряжённом ожидании скандала и своего позора.

– Мария, я люблю тебя и никому не отдам. Пошли. – Иосиф взял её за руку и повёл оторопевшую от неожиданных слов и поэтому безропотную Марию к выходу мимо ошарашенной матери.

– А завтрак-то как же? – только и бросила она им вслед.

– Мария, – выйдя на улицу, проговорил Иосиф, – прости меня, что я вот так, не спросив тебя, хочешь ты или нет, потащил тебя к себе домой, как невольницу. Ты вольна поступить, как хочешь, я не хочу тебя насиловать. Скажи: согласна ли ты быть моей женой? Решай! Я только могу сказать одно: я никогда, слышишь, Мария, никогда не упрекну тебя.

А ещё я обещаю тебе, что никто и никогда не узнает, что твой будущий ребёнок – не мой и я буду растить его, как собственного.

...Когда Иосиф ворвался в их дом, Мария испугалась.

– Ну, вот, – подумала она, – пришёл, чтобы бросить в лицо моим родителям: – Ваша дочь – шлюха.

Но теперь, когда всё произошло, да так быстро, сердце Марии наполнилось чувством благодарности к Иосифу. Она чуть было не расплакалась от переполнивших её чувств.

– Господи, какой же он добрый и как сильно любит меня, если поступает так.

Иосиф не дал ей слишком много времени на размышление:

– Ну, так как?

– А ты уверен, что не пожалеешь об этом?

– Уверен, не сомневайся!

– Ты же прекрасно понимаешь, что у меня нет выбора. Я согласна.

– Пошли, – радостно воскликнул он и, так и не выпуская руку Марии из своей, ввёл её в дом.

– Мама, папа! Я привёл в дом жену. Мы с Марией решили обойтись без свадьбы.

Четыре человека стояли посреди комнаты и молча смотрели друг на друга. Первой опомнилась мать.

– Вы что, совсем взбесились? То они совсем жениться не будут – передумали, то снова надумали, да так срочно, что невтерпеж до свадьбы подождать!

– Пошли-ка, мать, к сватовьям, – прервал её речь отец, – молодые и без нас тут разберутся.

– Не порядок это... – начала мать, но отец не дал ей закончить. Он хорошо знал Иосифа и понял: если он делает так, значит, на это есть причины.

– Пошли, я сказал. Там и поговорим.

Глава 10. Семейная жизнь.

Страшная весть пришла в дом Марии из Вифании. Там синедрион приговорил её сестру, Елисавету, к смертной казни за прелюбодеяние, а Захарий после её казни, видимо, сошёл с ума и повесился в ту же ночь(1).

Эта история получила широкую огласку в Израиле. Передаваясь из уст в уста, из селения в селение, она обросла невероятными слухами, которые, будоража обывателей, докатились до тихого Назарета.

Все сразу вспомнили, что Мария была в Вифании у Елисаветы и не давали ей прохода.

-Мария, а правда, что у Елисаветы был не один любовник?

-Мария, а правда, что Елисавета родила тройню?

-Мария, а правда...?

Выйти из дома и сходить за водой к колодцу – превратилось для неё в настоящую пытку. Сама смерть Елисаветы поразила её без меры, а тут ещё эти глупые расспросы.

Видя, что Мария приходит домой в слезах, свекровь, узнав, в чём дело, быстро навела порядок. Стоило соседкам начать допрашивать Марию, когда та пришла за водой, как появилась свекровь. Подбоченившись, она сразу кинулась в атаку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.